

УДК 39+930.23

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/50-67

Научная статья

© К. В. Цеханская

ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1941–1945 гг.: ОБЗОР НАУЧНЫХ ТЕМ, ПРОБЛЕМ И КОНЦЕПЦИЙ

Историография повседневности Великой Отечественной войны — одна из наиболее неосвященных тем современной гуманитарной науки. Целью статьи является аналитический обзор исследований, раскрывающих различные стороны повседневной жизни воюющей страны. Практическая научная значимость работы состоит в систематизации и критическом разборе основных проблем и направлений по указанной тематике. Особое внимание в статье уделено рассмотрению самобытных черт ментальности советского человека. Методология исследования состоит из сравнительно-аналитических подходов к разноплановым позициям авторов. Ценность статьи — в попытке представить критический обзор различных научных концепций и идей, лежащих в основе изучения советской повседневности 1941–1945 гг.

Ключевые слова: историческая память, советская идентичность, терминологическая неопределенность, патриотизм, альтернативные модели, авторское позиционирование, архивная революция.

Ссылка при цитировании: Цеханская К. В. Историография советской повседневности 1941–1945 гг.: обзор научных тем, проблем и концепций // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 50–67

UDC 39+930.23

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/50-67

Original Article

© Kira Tsekhanskaya

THE HISTORIOGRAPHY OF SOVIET EVERYDAY LIFE 1941–1945: AN OVERVIEW OF SCIENTIFIC TOPICS, PROBLEMS AND CONCEPTS

The historiography of everyday life during the Great Patriotic War is one of the most poorly covered topics of modern humanities. The article provides an analytical review of the studies revealing various aspects of daily life in a country involved in

Цеханская Кира Владимировна — д. и. н., ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: kirilla2011@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9719-4304>

* Работа выполнена в рамках Плана научно-исследовательских работ ИЭА РАН.

the war. The practical and scientific significance of the work consists in the systematization and critical analysis of the topic. Special attention is paid to considering the mentality of a Soviet person. The methodology of the study consists of comparative and analytical approaches to the diverse positions of the authors. The article attempts to provide a critical overview of various scientific concepts and ideas underlying the study of the Soviet everyday life in 1941–1945.

Keywords: *historical memory, Soviet identity, terminological uncertainty, patriotism, alternative models, author's attitude, archival revolution.*

Author Info: Tsekhanskaya, Kira V. — Doctor of History, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow). E-mail: kirilla2011@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9719-4304>

For citation: Tsekhanskaya, K. V. 2022. The Historiography of Soviet Everyday Life 1941–1945: An Overview of Scientific Topics, Problems and Concepts. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 50–67

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Введение

Тема представленной статьи — структурно-аналитический обзор основных направлений исторических исследований конца XX — начала XXI вв., посвященных повседневной, бытовой, культурно-образовательной жизни советских людей в годы Великой Отечественной войны, особенностям обыденного уклада, социальным практикам, поведенческим моделям, а также психологической настроенности и морально-ценностным установкам как участников боевых действий, так и гражданского населения. Изучение и сравнительный анализ основных тематических спектров историографического материала о Великой Отечественной войне имеет и научно-теоретическую и общественно-практическую значимость. Во-первых, появляется возможность более четко выявить и осветить спорное поле гуманитарных наук, где теоретически сталкиваются и даже противостоят различные политические, идеологические, социологические, культурологические концепции и парадигмы исследований. Подобное напряжение идей сегодня рождает живую историческую мысль, способствующую формированию новых, доказательных, непротиворечивых алгоритмов научного познания, то есть методологию. Анализ историографии о войне позволяет не только выявить наиболее важные тенденции в научной интерпретации фактов, событий, скрытых и открытых смыслов и символов Великой Отечественной войны, но главное — помогает произвести бережную, всеохватную реконструкцию антропологической модели советского народа, народа-победителя. Во-вторых, нет нужды настаивать на очевидной социальной актуальности самой темы: обсуждение некоторых спорных историографических исследований о войне, особенно, если оно происходит в масс-медийном пространстве, всегда вызывает немедленный, порой резкий общественный резонанс. Несомненно, новое, цельное, документально-научно подкрепленное переосмысление цены и значимости победы советского народа в Великой Отечественной войне на сегодняшний день является одним из важнейших факторов внутриобщественного консенсуса, гражданского

согласия различных общественных групп. Представляется, что память о войне, так широко и всесторонне раскрывающаяся в современных научных исследованиях, приобретает в наше время все более ясные черты общенациональной идеи, воспроизводящей все тот же, многовековой, старинный солидарно-общинный модус самоидентификации русских и других традиционных этносов страны (*Цеханская 2021: 218–232*).

Критический, сравнительно-тематический анализ историографии, посвященной Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., в постсоветское время становится одной из востребованных научных проблем исторической науки. Примером подобных исследований может служить статья Е. Л. Храмковой «Некоторые особенности новейшего периода отечественной историографии культуры России 1941–1945 гг.» (*Храмкова 2006: 138–145*). И хотя данная работа носит как бы узко направленный характер и посвящена проблемам отечественной культуры военного периода, автор отметил самые проблемные, спорные аспекты военной исторической тематики. Так, в статье дается обобщенный анализ различных концептуальных подходов к данной тематике. Исследователь подчеркивает: с начала XXI в. подход к теме социокультурной повседневности советского общества приобрел конструктивно-позитивный характер, произошло расширение методологических систем, появились альтернативные модели исследований, усложнилась проблематика, закрепился междисциплинарный модус научного познания, наконец, обновилась терминология (*Храмкова 2006: 138*).

Действительно, в постсоветское время резко вырос «спрос» на конкурентный плюрализм научных представлений, идей и концепций. Так академик А. Н. Сахаров, настаивая на необходимости «... реального научного плюрализма, который возможен и действительно нужен для настоящей исторической науки. На этой основе объективная, неидеологизируемая история все шире прокладывает себе дорогу» (*Сахаров 2002: 19*). Но очевидно, что свобода научного мышления привела в наше время к некой терминологической неопределенности, когда ученые, находясь во власти своего мировоззрения, своих личностных представлений о состоянии советского общества в предвоенное и военное время, создают осязаемое мировоззренческое напряжение в научной среде. Именно из-за противоборства и даже конфликтов различных идеологических установок внутри сообщества историков в России до сих пор отсутствует единый учебник по отечественной истории.

В своей статье Е. Л. Храмкова особо выделяет эту диссонансную рассогласованность позиций отечественных ученых в вопросах цивилизационных оценок советской эпохи. Автор указывает, что в постсоветское время в исторической науке четко выражается отрицательное отношение к советскому периоду, педалируется тоталитарная идеология мышления и поведения советского общества, в том числе, культуры и самого смысла государственности, а также присутствует критицизм, субъективизм и откровенная подтасовка, манипуляция недостоверной, порой откровенно ложной информацией. Исследователь отмечает, что в постсоветских методологических подходах и в источниковедческом анализе социокультурной действительности военного времени наблюдается тенденция к «застою». Отсутствуют новые подходы к осмыслению и более глубокому проникновению ученых в цивилизационную сущность такого масштабного явления, как советская культура и наука периода Великой Отечественной войны (*Храмкова 2006: 139*).

Действительно, между жестко-схематичным взглядом на советскую культуру как отражение тоталитарной идеологии власти и этической природой жертвенного под-

вига советского народа, возросшего на этой культуре, существуют явные «нестыковки». Так за что же воевали советские люди: за свое советское «тоталитарное» государство или просто за Родину, отвлеченный образ, как бы очищенный от идеологических одежд социализма? Безусловно, это один из важнейших вопросов современного гуманитарного знания, от решения которого зависит сама возможность увидеть и понять подлинные смыслы Победы.

Критически анализируя историографию по Великой Отечественной войне Е. Л. Храмкова так же видит следы застоя в таком новом направлении исследований о войне, как взаимоотношения Русской Православной Церкви и государства. Автор отмечает явное присутствие клише, когда в разных трудах воспроизводятся одни и те же сюжеты, одни и те же источники, то есть штампы и стереотипы. И здесь ученый ставит острую проблему источниковедения, разрешение которой может быть связано не только с освоением новой источниковедческой базы, новых научных тематических подходов, но и с разработкой принципиально новых систем в изучении конфессиональной проблематики периода Великой Отечественной войны.

Следует заметить — почти в каждой рассматриваемой работе, посвященной тем или иным формам и аспектам советской повседневности периода Великой Отечественной войны, обязательно присутствует краткий или развернутый анализ историографического материала по данной теме. Как правило, этот аналитический раздел раскрывает уже упомянутую выше проблему идеологических разногласий ученых, при этом часть авторов стремится выстраивать свою доказательную позицию, зачастую игнорируя объективные, уже архивно задокументированные данные или признанную достоверной информацию. Но эти тенденции современной гуманитарной науки требуют отдельного методологического обсуждения.

Завершая вводную часть, необходимо указать: в связи с возрастанием объема архивной и особенно мемуарно-эпистолярной литературы военной поры, вводимых в научный оборот, историкам, негативно относящимся к советскому времени, становится все труднее доказывать, что Победа была добыта ценой насилия власти над обществом. Или, что советский народ разъединял в своем сознании понятие Родины и существующей системы государственности. Настаивать на подобной позиции тем более неудобно и не продуктивно, что не было и до сих пор не обнаружено никаких свидетельств всеобщего гражданского противостояния народа и власти. И так как научно доказать антагонизм советской власти и советского народа в годы войны ни фактологически, ни по существу невозможно, то для части ученых остается поле свободных размышлений о всепоглощающем тоталитаризме советской системы государственности. Но и подобная точка зрения, противоречащая укоренившемуся в общественном самосознании восприятию Победы, как синергичному единению народа и власти, имеет право на свое существование. Важно отметить — почти во всех ниже рассмотренных исследованиях, посвященных социокультурной, бытовой, военной, мирной, тыловой повседневности советских людей в годы войны, обязательно, в той или иной мере присутствует авторская, то есть личностная оценка истоков и смысла Победы. Этот «пункт» объединяет и одновременно обогащает различными концепциями, научными идеями почти всю историографию постсоветского периода о Великой Отечественной войне. Следует особо подчеркнуть широту амплитуды разноплановых оценок и мнений в отношении истоков Победы — от традиционных, «классически-советских» трактовкой патриотизма, когда всенародный подвиг народа

мыслился в качестве священной жертвы за **советскую** Родину до утверждений, что народ победил **вопреки** «уродливой системе» социализма. Первая установка ярко и всесторонне рассмотрена в работе О. А. Белькова «Духовный потенциал Победы» (Бельков 2021), где анализируется проблема легитимности власти, солидарный патриотизм советских людей. Социо-этические, моральные и политические аспекты советского патриотизма рассмотрены в статье В. А. Тишкова «Великая Победа и советский народ: антропологический анализ» (Тишков 2020: 5–19). Размышляя о причинах Победы, автор анализирует основные мобилизационные факторы и идеологические формы консолидации советского общества, способствующих массовому сплочению народов СССР перед лицом нацистской агрессии. Вторая установка продекларирована в статье Ю. Л. Дьякова «Горькое чувство истории: за ошибки власти расплачивается народ», где автор доказывает, что германский нацизм был одолен советским народом вопреки идеологии и действий власти: «Победа явилась торжеством народа, вдохновляемого любовью не к партии и правительству, а к родной земле. Ответ на вопрос, почему мы победили лежит не в русле непреоборимости нашего социалистического общественного и государственного строя, не в руководящей роли партии, а в уникальности нашего народа, победившего не благодаря, а вопреки уродливой системе, созданной Лениным» (Дьяков 2005: 96). Невозможно не прокомментировать явный оксюморон в размышлениях Ю. Л. Дьякова: итак, народ победил вопреки уродливой системе, то есть логически получается, что власть вовсе и не стремилась к разгрому агрессора и народ вопреки этому нежеланию сам победил фашизм... Очевидно, что между этими двумя полярными, антагонистическими научными позициями, как между линиями высокого напряжения и протекает современная научная дискуссия о феномене советской истории, и главное, — об особенностях глубокой, сложной и цельной антропологической модели «гомо советикуса», советского народа, истребившего фашизм.

Основная часть

Великая Отечественная война — неиссякаемая тема современного гуманитарного знания. Казалось бы, благодаря огромному множеству исторических, военно-политических, социологических, демографических, культурно-антропологических исследований советского и постсоветского времени, посвященных Великой Отечественной, сегодня уже трудно обнаружить какие-либо неизученные аспекты войны, которые представляли бы для гуманитарной науки таинственную terra incognita. Но в действительности, с каждым новым годом, удаляющим нас от Победы 1945 г., Великая Отечественная война продолжает раскрываться и как все возрастающее в своей цивилизационной значимости событие национальной и мировой истории, и как неисчерпаемая сокровищница соборно-жертвенного духа советского народа. Историография о Великой Отечественной войне может составить отдельную монографию. Все исследовательские материалы о войне можно условно разделить на несколько основных тематических направлений. Наиболее освоенное направление исследований посвящено самому ходу Великой Отечественной войны, это анализ ее исторических предпосылок, дипломатической работы, начала, хронологического хода событий, военных поражений и побед. С данным вектором исследований органично сочетается и взаимодействует другая важная тема — проявление совет-

ского патриотизма, формы и виды героического подвижничества советских людей, массово проявленного на фронте, в тылу, оккупации, в партизанских отрядах, в застенках врага. Война в памяти народа — следующее, можно сказать, общественно значимое направление в изучении войны. И, наконец, выделим сравнительно «молодую», но весьма актуальную тематику современного гуманитарного знания — «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война», интенсивно разрабатываемую в конце XX в. и особенно в постсоветский период. Важно, что все вышеуказанные темы получили всестороннюю разработку еще в советское время. Постсоветский период «предоставил» возможность свободного освоения новых направлений в изучении Великой Отечественной войны. Несомненно, самое востребованное из них и привлекательное как для историков, так и социологов, антропологов, психологов, культурологов, это социокультурная повседневность советского общества предвоенной и военной поры и конечно же, морально-этический феномен советского человека, «гомо советикуса», живущего и действующего в трагической обстановке войны. Появление столь долгожданной тематики, освобожденной от идеологической заданности советской историографии, положило начало новым процессам научного осмысления, а иногда и переосмысления многих как бы уже «устоявшихся» фактов, явлений и событий Великой Отечественной войны. Данная научная тенденция, в свою очередь, способствовала становлению и развитию инновационных форм научных подходов и методологий гуманитарных исследований, основанных на органичном содружестве междисциплинарных отраслей знания.

С 90-х гг. XX в. отечественная историография переживает настоящую архивную революцию, архивный «бум». Тема Великой Отечественной войны обогащается и усложняется новой научной проблематикой и методологией. В сферу академического знания полноправно вступают не только впервые рассекреченные, но и просто ранее не востребованные архивные источники в виде воспоминаний, мемуарно-эпистолярной документалистики, по-новому освещающие и ход, и смысл, и величие противостояния советского народа германской агрессии. В постсоветское время изучение социо-антропологического аспекта войны, с включением анализа морально-этических и духовно-нравственных установок советского социума становится одной из наиболее востребованных и одновременно остро дискуссионных тем гуманитарной науки.

Кратко обозначим эти новые направления исторического знания, набирающие в наши дни весьма динамические темпы развития.

Это, прежде всего, социо-антропологическая тематика, основанная на изучении моделей повседневности, обыденной жизни советских людей, а также быта, форм коммуникации этических установок и психологической настроенности как гражданского, так и воюющего социума. Тема органично включает в себя эмоциональную, интеллектуальную, духовную доминанту мировосприятия народа, находящегося в экстремальных условиях войны. Для любого исследователя данная тема носит особо ответственный характер, так как требует честного объективного и достоверного взгляда на войну как бы «изнутри событий».

Указанная тематика способствовала и научному, и гуманитарному «открытию» индивидуально-личностного мира советского человека предвоенного и военного времени. Неотъемлемой частью академического знания становится все более пополняемый свод личностных материалов, мемуаров участников войны, мирного

населения, в том числе угнанных в Германию остербайтеров. Эпистолярное наследие, воспоминания, свидетельства очевидцев тех или иных событий, прощальные послания-завещания воинов Красной Армии, партизан, подпольщиков, составленные накануне смерти или казни — все эти дошедшие до наших дней документы помогают более отчетливо реконструировать духовно-нравственный, а шире — подспудно-религиозный, жертвенный архетип советского народа. Социо-антропологический и культурологический подходы в изучении ментальности советского общества в годы Великой Отечественной войны не просто обогатили военную историографию. Они придали самой науке некое ценностно-этическое напряжение, когда изучение макрокосма войны «одухотворилось» микрокосмом переживаний и трагедий обычного «маленького» человека.

Война и повседневность — эти две, как бы несходящиеся, противоречащие друг другу бытийственные категории жизни человечества, тем не менее, всегда сосуществуют в своем неразрывном, неизбежном единстве. Уловить, определить этико-социальный, цивилизационный алгоритм повседневности военного времени — того или иного народа, той или иной эпохи — сверхзадача гуманитарного знания. Это одна из самых актуальных и социально остро востребованных проблем современной отечественной исторической науки, изучающей системный и антропологический модус советской повседневности периода Великой Отечественной войны.

Изучение социологии повседневности, как и сам термин «повседневность» в XX в. ввел в научный «обиход» Ф. Бродель (1902–1985), сторонник привлечения в исторические исследования методик и материала смежных гуманитарных наук: психологии, географии, демографии и пр. В свою очередь А. Шюц (1899–1959) вовлекает понятие повседневности в оборот философской терминологии, пытаясь с позиций философской аргументации уточнить и развить феноменологическую концепцию «жизненного мира», которой в свое время оперировал Э. Гуссерль (1859–1938). Современные научные трактовки повседневности зиждятся на западноевропейском фундаменте социологии знания, структурного функционализма, на идеях феноменологической социологии.

В современной российской науке пока отсутствует некая стабильная система теоретических параметров, научно-теоретически стандартизирующих подходы к изучению советской повседневности, а шире — советской истории. XX век закончился не так давно. И не только западноевропейская социокультурная антропология, занимающаяся изучением «гомо советикуса», но и уж тем более своя, отечественная, отнюдь не определились «консенсусно» с базовыми позициями по отношению к самому существу советской цивилизации. Российские ученые-гуманитарии, изучающие советскую повседневность, в том числе периода Великой Отечественной войны, безусловно, учитывают западноевропейские историсофские методологии «погружения» в феномен повседневности. Но эти методологии уместны и продуктивны лишь до тех пор, пока не производится оценочный анализ самого явления советской социо-политической, а шире, цивилизационной реальности.

Несомненно, западная научная гуманитарная элита всегда крепко «осоляла» и до сих пор «осоляет» свое научное творчество традиционным мировоззренчески-идеологическим кредо, основанном на фундаментальных ценностях западной цивилизации. Впрочем, так же поступают и не западные, например, отечественные ученые. Представляется, западноевропейские интеллектуалы, историки, социоло-

ги, писатели философы-футуристы и нового, и новейшего, и нашего, постмодернистского времени, так же, как и мы, являются органичными, можно даже сказать, природными носителями своего социокультурного кода, своих духовно-ценностных универсалий. Безусловно, разбор ментальности западных ученых не входит в задачи статьи, точно так же, как не входит анализ степени объективности и продуктивности современных западноевропейских методологий, применяемых в ходе изучения российского XX в. Это отдельная, дискуссионная, проблематичная и легко «воспламеняемая» тема. И все же в контексте излагаемого материала невозможно не обойтись без некоторых теоретических обобщений.

Русская философская и в особенности эмигрантская историософская мысль конца XIX — первой половины XX вв., сконцентрированная на разгадке антропологического феномена русского религиозного человека, в свое время подпадала под очарование западноевропейской философии с ее бесстрашной свободой размышлений об экзистенциальной сущности человеческой природы, как бы разъятой с онтологической сущностью бытия. И все же русские, восторгаясь смелостью и дерзновенностью западной философии, прежде всего, немецкой, никогда не заимствовали подобный принцип свободы «до конца», до попытки преодоления заповедных границ человеческого познания. Здесь ограничителем выступал наш самобытный, этнокультурный запрет на «все дозволено». Эту категорическую нравственную нормативность русских отмечал В. В. Розанов (1856–1919), так, размышляя о характере почитания в России Ф. Ницше, подчеркивал: «Ницше почтили потому, что он был немец, и притом страдающий... Но если бы **русский** и от **себя** заговорил в духе: падающего **еще** толкни», — его бы назвали мерзавцем и вовсе не стали бы читать» (Розанов 1991: 40).

Антропологическая матрица западного сообщества и сегодня базируется на может быть, уже размытых, формализованных, но еще определяемых этико-религиозных установках протестантской деловой пассионарности, идеи социальной предызбранности людей, на регламентированной номинативной прагматичности католицизма, отвергнувшего святоотеческое наследие единой неразделенной Церкви, и как следствие — на представлении о морально-ценностном этнотипе западного человека как атомизированной, независимой личности, находящейся в состоянии конкурентной борьбы за место под солнцем, за утверждение своей самости, отстаивающей принцип неотчуждаемости ни в чью пользу, ни тела, ни души, которыми дозволительно распоряжаться единолично и единовластно.

С таким антропологическим и цивилизационным багажом западной гуманитарной науке всегда было трудно выработать методологию или хотя бы теоретическую позицию, эффективно работающую на постижение внутренней логики исторического развития России, на понимание ее культурного ядра, характера, динамики и форм взаимодействия идеального и бытового образа социальной реальности. Безусловно, самой трудной для постижения всегда оставалась и до сих пор остается Россия советская с ее общинным «муравейником» и подспудной, неуничтожимой этикой братства и всеобщей уравнительной справедливости.

Полагаем, для западных «русистов», «советологов», этнопсихологов, этнолингвистов и этнополитиков, специализирующихся в вопросах советской идентичности, социальной повседневности, всегда было и остается невозможным проявить настоящий, эмпатический интерес к советской ментальности, постараться понять

наш родной «кондово-домотканый» русско-советский архетип мировоззрения, мышления, поведения, социальную мотивацию труда, творчества, подвига, теплую суету повседневности, типологическое единство солидарного общественного умонастроения и пр. То есть понять и постичь глубину того, о чем так метко и афористично сказал Ф. И. Тютчев (1803–1873) и что так естественно воспринимается русским самосознанием как отличительный маркер русскости: **«Умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать — в Россию можно только верить»**.

Это элегическое стихотворение в форме монострофы, раскрывающее особенную, никому не подвластную самобытную стихию жизни народа, который не может быть «под стать кому-то», было создано в 1866 г. Парадоксально, но девятью годами ранее, в 1857 г. выдающийся немецкий экономист, философ, поэт, социолог, лингвист, историк по имени К. Маркс (1818–1883), задавший резко-критический тон в отношении России, также рассуждал о «вере» в Россию, которая, по его мнению, представляет собой не «факт», а только лишь объект веры. Правда в контексте размышлений Маркса «вера» мыслилась в антитютчевском образе иллюзии, пустоты, несвершенности русской истории. Россия — утверждал К. Маркс, — «... является единственным в истории примером огромной империи, само могущество которой, даже после достижения мировых успехов, всегда скорее принималось на веру, чем признавалось фактом. С начала XVIII столетия и до наших дней ни один из авторов, собиравший ли он превозносить или хулить Россию, не считал возможным обойтись без того, чтобы сначала доказать само ее существование» (Маркс 1989: 3).

Маркс, как человек Запада, не понимал, да и не мог понять онтологической силы и всеохватности тех идей, которые сотни лет скрепляли Российскую империю в единое, монолитное, духовно непостижимое, а потому враждебное и чуждое для Европы идеократическое целое. Надежной стяжкой этой целостности было сакрализованное, а в XX в. жертвенно-подвижническое отношение народов России к своей государственности, как единственной форме исторического выживания многоэтнической, многоконфессиональной, пусть даже евразийской, но все же **русской** по культурной ментальности цивилизации. Трудно представить, каков мог бы быть приговор К. Маркса Советской России, зародившейся в мареве Октябрьской революции, очистившей мир от германского нацизма, оставившей мощный гуманистический потенциал для сегодняшнего развития страны.

Справедливости ради следует отметить, что не все выдающиеся западные интеллектуалы, «русисты», философы считали Россию, в том числе и СССР либо фантомом, принимаемым на веру, либо «империей зла». В XX в. благодаря А. Тойнби и русская и советская история, как самобытный феномен, обрела в западноевропейском научном мире статус мировой величины. И хотя Тойнби не считал, что Россия создала свою собственную цивилизацию, являясь всего лишь сателлитом Скандинавской, Византийской и наконец, Западной цивилизации в ее коммунистической форме, ученый все же справедливо и метко отметил подспудно-религиозные начала советской России: «Как под Распятием, так и под серпом и молотом Россия — все еще «Святая Русь, а Москва — все еще Третий Рим», «Tamen usque recurret» — «Все возвращается на круги своя» (Тойнби 2003: 381).

И здесь возникает вопрос: так СССР, победивший германский нацизм в войне 1941–1945 гг. — это фантом, принимаемый на веру в духе Маркса вместе со всем

советским «иллюзорным» наследием духовных, геополитических и военных побед? Или это реальная империя зла, равная по своей расчеловеченной силе фашизму? Все же представляется, что к исторической истине ближе всего тезис А. Тойнби: СССР — Третий Рим, а советский народ — ментальный выразитель имперской идеи, мобилизационно собравшей в годы Великой Отечественной войны все этносы и народы страны в единую, солидарную, монолитную гражданскую общность. Можно возразить, что советский Третий Рим лишен главной составляющей доктрины «Москва — III Рим» — православной. Но это бесконечно педалируемая безрелигиозность Советской России как раз и является ложным, искусственно сконструированным образом реальной советской действительности. Политический конфликт государства и Русской Православной церкви 20-х, 30-х, начала 40-х гг. не произвел никаких необратимых поломок в социогенетическом ядре традиционных духовных универсалий русских и других религиозных этносов страны. Об этом подробно излагается в авторских статьях: «Феномен религиозности русских в годы Великой Отечественной войны» (Цеханская 2015: 150–168) и «Глобализм и проблемы современной этнорелигиозной идентификации русских» (Цеханская 2016: 221–241).

Подспудная, неуничтожимая религиозность советских людей, наличие которой подчеркивал даже Святейший Патриарх Кирилл¹, как скрытый, но активно корректирующий моральный подтекст советской обыденности, ярко воспламенилась в годы Великой Отечественной войны, когда миллионы советских людей и прежде всего, коммунисты и комсомольцы, не только жертвенно отдали жизнь свою за други своя, но и открыто обратились к Богу. Причем это обращение происходило без всякой экзальтации и пафоса, то есть естественно, просто и органично, потому что религиозность советского социума и в частности русских, оставалась неафишируемой частью советской повседневности. Следует особо подчеркнуть, в данном случае речь идет не о мирочувствии, поведении и принципах воцерковленной части православных, не о беспрецедентной молитвенной и материальной помощи Русской Православной церкви, мирян, ставшей духовным залогом будущей Победы. Об это уже подробно сказано не в одном десятке фундаментальных трудов и исследований. Мы говорим о парадоксальном нравственном феномене «гомо советикуса» в триединстве его религиозности, советскости и народности, особо при этом выделяя государственнообразующий русско-советский социум, как ментального носителя религиозных архетипов сознания и подсознания. Мы акцентируем неизменность традиционной нормативно-ценностной идентификации советских людей — не только крещеных или атеистов, но также и других российских нехристианских религиозных этносов, и наконец, актуализируем содержание русского цивилизационного кода, управляющего сохранением и корректной пересборкой коллективной исторической памяти народов страны.

Представляется, что **рудиментарная** (*Пресс-служба*), по выражению Патриарха Кирилла, **религиозность** советского народа: верующих и неверующих, воцерковленных и нецерковных, атеистов и материалистов, коммунистов и беспартийных — **новая** тема и религиозной, и культурной, и социальной антропологии, требую-

¹ Святейший Патриарх Кирилл отмечал, что даже в годы атеизма не уничтожили в советских людях ту самую программу, которая была заложена как некий код развития наших православных народов. И в этом смысле, — подчеркивал Святейший, — неверующие люди советского времени были **рудиментарно** религиозны.

шая детального, многоаспектного изучения в контексте повседневности 20-х, 30-х годов и особенно периода Великой Отечественной войны. Несомненно, только междисциплинарный научный подход будет способствовать раскрытию «потаенной» сущности советской духовности, ясно проступившей в годы войны, с ее родовой привязанностью к традиционным священным символам, образам, текстам, идеалам, героям. Возможно, тогда прояснится и как бы абсурдный на первый взгляд мотив поступка молодого коммуниста, солдата Ф. Черкасова, написанного с фронта в письме к матери: «Мама, я вступил в партию, мама помолись за меня Богу» (*Победоносцев* 2012: 86).

Пока же историография конца XX века и особенно постсоветского времени, посвященная социокультурной, бытовой, этико-нормативной повседневности советских людей в годы Великой Отечественной войны, более сосредоточена на других, не менее важных и сложных проблемах. Выборочно отметим некоторые из них.

Пожалуй, самая главная научная проблема, в той или иной степени решаемая почти во всех исследованиях на указанную тему — это проблема аутентичной, то есть точной, подлинной реконструкции многоуровневого мира советской повседневности как **данности**, органичной мироощущению людей. Социо-антропологическая модель советского общества периода 1941–1945 гг. в наши дни воссоздается из множественной совокупности разноплановых направлений исследований, таких, например, как:

1. социальные, личностные, групповые, гендерные формы коммуникаций людей в экстремальных условиях войны;
 2. типологическая согласованность гражданского самосознания общества;
 3. универсализация советских идеалов и символов как основа внутриобщественного консенсуса;
 4. мотивация военных и трудовых подвигов, солидарное понимание сущности советского патриотизма, осознание геополитических задач исторического момента;
 5. военный, психологический, этико-моральный и личностный опыт противостояния врагу, осознание общих целей борьбы, объективизация традиционных ценностей жизни;
 6. преодоление тягот войны: советский человек — носитель идеала жертвенного стоицизма, подвижничества, исторического оптимизма;
 7. социальная обыденность войны: праздники, отдых, бытовая и будничная повседневность;
 8. научные и культурные достижения военного времени;
 9. восстановление экономики на освобожденных территориях, возрождение образовательных программ средней и высшей школы;
 10. советская молодежь на дорогах войны: бесконфликтное, солидарно-целостное восприятие идеи защиты советской Родины;
 11. войну выиграл советский учитель. Молодежь как социальный продукт советской системы образования;
 12. примирение Русской Православной церкви и власти: гражданско-патриотическая социализация циркового клира и мира. Обыденная и обрядовая повседневность воцерковленных верующих в годы войны.
- В этот же ряд входят такие актуальные и пока еще слабо разработанные темы, как:
13. вклад советского крестьянства в Победу. Политическая, идеологическая солидарность с властью, несмотря на недавние тяготы коллективизации;

14. проблема коллаборационизма на оккупированных территориях;
15. остербайтеры: быт, мирочувствие, вера советских людей, угнанных в нацистскую Германию;
16. депортация народов СССР и одновременно трудовые и военные подвиги народов страны. Две стороны одной исторической драмы;
17. роль властных структур в обеспечении Победы;
18. цена и смысл Победы. Людские потери: объективная оценка демографического кризиса поствоенного времени. Сравнительный анализ отечественных и зарубежных источников по данной теме;
19. проблема определения феномена советского общества как цивилизационного и нравственного оппонента германского национал-социализма.

Можно было бы и далее продолжить перечисление и традиционных, устоявшихся, и инновационных тем, посвященных жизнедеятельности и социо-этическому модусу мировосприятия советского общества в годы Великой Отечественной войны. Выше были указаны самые важные из них. Но сегодня особый научный интерес представляет более точечная, конкретная, можно сказать, профильная тематическая библиография. И здесь необходимо отметить яркое, «мозаичное» многообразие постсоветского времени, раскрывающих самые различные сферы повседневности воюющей страны, духовно-психологическую настроенность народа. Отметим некоторые из этих исследований. Так, основоположником изучения такой сложной и ранее не актуальной страницы войны, как морально-психологический аспект военной повседневности, можно назвать Е. С. Сенявскую, автора фундаментальных работ — «1941–1945. Фронтное поколение. Историко-психологическое исследование» (Сенявская 1995), «Человек на войне. Историко-психологические очерки» (Сенявская 1997).

Тема военной обыденности продолжена и подробно рассмотрена в монографии А. Э. Ларионова «Фронтная повседневность Великой Отечественной войны: социальные коммуникации и духовная жизнь РККА 1941–1945» (Ларионов 2015). В исследовании анализируются процессы общественных и межличностных коммуникаций в Красной Армии, реконструируются формы военной повседневности, отношения между начальством и подчиненными проявления дружбы, отношение к врагам и союзникам, рассматриваются виды досуга, отдыха военных, их контакты с гражданским населением. Об особенностях быта советских партизан повествуется в работе О. Н. Литвиновой «Культура повседневности партизан Брянская края в годы Великой Отечественной войны» (Литвинова 2008). Эксклюзивной и новаторской и по теме, и по глубине погружения в материал является монография Т. В. Павловой «Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве» (Павлова 2005). В этой работе дана яркая, развернутая картина бытовой жизни, психологического состояния, поведенческих моделей населения города на разных этапах обороны. Особо автор выделил характерные черты быта, повседневной деятельности рабочих Сталинграда, которые в условиях бесконечных бомбежек, артобстрелов с оружием в руках не только защищали Сталинград, но и выпускали оборонную продукцию, ремонтировали танки, военную технику, охраняли свои заводы, следили за порядком в городе. Примечательно, что Т. В. Павлова подчеркивает — со стороны населения Сталинграда не было никаких фактов массового протеста горожан и жителей области из-за тяжелой жизни и определенного принуждения.

Тема жизнеуклада, быта, труда гражданского населения Сталинграда в условиях противостояния нацистам продолжена в работе М. А. Насекина и А. В. Буганова «Военная повседневность гражданского населения Сталинграда 1942–1943 гг. (по дневникам Анны Арацких и Серафимы Ворониной)» (*Насекин, Буганов* 2021: 26–35).

Различные стороны жизни советских «остербайтеров» в немецкой неволе, их уклад, взаимоотношения между собой и с «хозяевами», традиционная вера и мораль отражены в исследовании В. И. Ковалева «Повседневная жизнь советских граждан, угнанных в фашистскую Германию: взгляд через десятилетия» (*Ковалев* 2011).

Советское крестьянство в годы войны — одна из сложнейших и острых, ввиду недавней довоенной кампании по коллективизации, проблем отечественной историографии. Данная тема широко и всесторонне освещена в исследовании В. Т. Анискова «Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига» (*Анисков* 2003), где автор в концептуальном единстве подробно рассмотрел особенности жизнеуклада, быт, труд, повседневную жизнь советского крестьянства в годы войны, его материальный вклад в Победу, особо выделяя духовно-личностные начала мироощущения народа. В. Т. Анисков — один из первых ученых, отметивших уникальную значимость русской ментальности крестьян, их бытовую религиозность, жертвенность и стойкость характера, выделяя при этом своеобразный идеологический дуализм самосознания, выразившегося в почитании и советских праздников, и религиозных дат. Ученый особо подчеркнул, что в мироощущении крестьянства не было конфликта советского настоящего и российского прошлого, напротив, и прошлое, и настоящее воспринималось как нераздельное единство.

Безусловно, особую этическую ценность представляют труды, посвященные положению и повседневной жизни детей и женщин в годы Великой Отечественной войны. Здесь приоритетное место занимают монографии Е. Ю. Волковой «В тылу ковался меч Победы: женщины России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (*Волкова* 2005). «Маленькие участники большой войны. Дети в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (*Волкова* 2010). Автор реконструировал сложную, драматическую картину повседневной жизни, быта советских женщин в военную годину, раскрывая при этом глубинные причины их нравственности и героизма. Монография Е. Ю. Волковой о детях основана на документальном массиве опросов и воспоминаний более 1000 ветеранов, переживших войну в детском возрасте. Материал собирался 30 лет. В исследовании раскрыта повседневная, бытовая, личностная жизнь советских детей на оккупированных территориях, в тылу, концлагерях, в голодающем Ленинграде. Основное внимание автор сосредоточил на характере питания детей, на их одежду, досуг, учебу, труд, проблемы здоровья и гигиены, а также на особенностях их духовного мира, надеждах, мечтах, стремлениях.

Представляется, органичной частью советской военной повседневности продолжала оставаться идеологическая, культурно-просветительская, творческая и духовно-религиозная сферы жизнедеятельности народа. В последние 10–15 лет сложились новые направления в изучении социокультурной проблематики Великой Отечественной войны. Отметим ряд трудов на эту тему: Н. Д. Козлов «С волей к Победе. Пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны» (*Козлов* 2002). И. И. Широкоград «Центральная периодическая печать в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (*Широкоград* 2001). Э. И. Гракина «Ученые России в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945» (*Гракина* 2000). О. В. Ту-

зова «Музыкальная культура Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны» (Тузова 2005). М. В. Шкаровский «Церковь зовет к защите Родины: религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны» (Шкаровский 2005). Несомненно, самым фундаментальным трудом, раскрывающим жертвенно-патриотическую деятельность Русской Православной церкви, является 765 — страничный сборник архивных документов «Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны» (Русская Православная церковь 2009), иллюстрирующий глубину молитвенного делания и масштабность практической помощи народу и государству со стороны Русской Православной церкви. Отметим, такую же непреходящую ценность имеют и другие архивные материалы, связанные с религиозными константами традиционного этнотипа русских и других религиозных народов СССР. Со всей твердостью к такому роду документов можно отнести свидетельства очевидцев о сакральной помощи и трансцендентных явлениях на фронтах Великой Отечественной. К этому роду документов относится сборник рассказов и воспоминаний участников войны, встретившихся на своем ратном пути с необъяснимыми случаями спасения, которые были восприняты как прямое вмешательство промысла Божиего «Спаси и Сохрани» (Спаси и Сохрани 2005). Непреходящую ценность представляет собой также уникальная книга-документ «Говорят погибшие герои» (Говорят погибшие герои 1975), составленная из задокументированных, подлинных эпистолярных источников, предсмертных писем советских борцов против немецко-фашистских захватчиков. Книга выдержала 6 переизданий.

В завершении отметим, — одной из актуальнейших тем современной гуманитарной науки мог бы стать сравнительно-концептуальный анализ восприятия антропологами Запада и России моделей и образов советской действительности, например, социокультурной и бытовой повседневности 30-х, начала 40-х гг., как основ формирования солидарно-патриотической гражданской этики народа. Можно предложить еще более сложную, мало изученную тему — религиозность государственнообразующего русско-советского социума довоенного и военного периодов, как проявление традиционного, неизменного архетипа ментальности народа. Обе темы со всей очевидностью «работают» на раскрытие пока еще до конца не познанного, многосложного антропологического феномена «гомо советикуса» в триединстве его народности, советскости и религиозности.

Заключение. Выводы

В заключение следует отметить: все возрастающая совокупность исторических, антропологических, культурологических, социологических и прочих исследований постсоветского времени, посвященных изучению советской повседневности 1941–1945 гг., на сегодняшний день уже представляет собой универсальную научную величину. Стремление к энциклопедической всеохватности самых различных, разноплановых сторон и явлений жизни воюющей страны создает в современной отечественной гуманитарной науке пусть и остро дискуссионный, но живой и по сути консенсусный центр духовно-интеллектуального притяжения. И здесь точкой примирения всех конфликтующих концепций, всех идеологических разногласий являются желание и воля увидеть, понять историческую правду о самих себе, о стране, об обществе, отстаившем свою самобытную цивилизационную модель бытия в войне 1941–1945 гг.

Безусловно, в данной статье была рассмотрена небольшая часть историографии по обыденной, бытовой, гендерной, социокультурной, военной, психологической и прочей тематике, освещающей повседневность советского общества в годы Великой Отечественной войны. В будущем этот историографический ряд может дополнить разрабатываемая автором с 2014 г. такая тема, как религиозность советского социума в предвоенные и военные годы. Еще раз отметим — религиозность именно общества, а не воцерковленных групп. Представляется, исследование в данной области могут раскрыть и обнаружить новые, сложные, прикровенные, самобытные грани ментальности советских людей. В контексте изучения традиционной морали и религиозности «гомо советикуса» необходимо также вывести из «тени» и честно обговорить нерешенные, болезненные, а потому зачастую спекулятивные темы советской истории, как репрессии, коллективизация, торжество марксистской идеологии, насильственные методы промышленной и социокультурной модернизации, богоборческие эксцессы власти. Приходит время непредвзято и открыто попытаться обсудить подлинную природу этих процессов, отсеив все ложное, наносное и наконец, выявить масштаб и причины указанных явлений — как трагически-ошибочных и недопустимых, так и созидательно-героических.

Ведь невозможно не только представить, но и серьезно обсуждать феномен «слияния» механистические-рабского послушания народа, подавленного тоталитарной властью, с ярким, изумившим весь мир, проявлением его творческой, свободной, добровольно-жертвенной, гуманистической силы. Действительно, как из казенных, тяжелых «бушлатов» модернизации вышла советская «шинель» воина-победителя, защитившего и свой социальный уклад, и народ, и по сути, весь мир. Так **что** именно так властно корректировало позитивный ход советской истории, **что** сформировало религиозно-жертвенный психотип советских людей? Это главный вопрос историографии по Великой Отечественной войне. И ответ на него ждет новых, пытливых исследователей.

Источники и материалы

- Говорят погибшие 1975 — Говорят погибшие герои: предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков. 1941–1945 гг. М.: Политиздат, 1975. 511 с.
- Пресс-служба — Пресс-служба Патриарха Московского и Всея Руси. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1463954.html> (дата обращения 25.09.14).
- Русская Православная церковь 2009 — Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. Составители: Васильева О. Ю., Кудрявцева И. И., Лыкова Л. А. М.: Издательство Крутицкого подворья Общества любителей церковной истории, 2009. 765 с.
- Спаси и Сохрани 2005 — Спаси и Сохрани. Свидетельства очевидцев о милости и помощи Божией России в Великую Отечественную войну. Сост. А. Фарберов. М.: Ковчег, 2005. 318 с.

Научная литература

- Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 502 с.
- Бельков О. А. Духовный потенциал Победы // Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности [Электронный ресурс]. 2021. Часть 2. URL: <https://nic-pnb.ru/istoriya-otechestva/velikaya-otechestvennaya-voyna-istoriya-i-sovremennost-chast-2/> (дата обращения 17.06.21)

- Волкова Е. Ю. В тылу ковался меч Победы: женщины России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Кострома: КГУ, 2005. 104 с.
- Волкова Е. Ю. Маленькие участники большой войны. Дети в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Кострома: КГТУ, 2010. 155 с.
- Гракина Э. И. Ученые России в годы Великой Отечественной войны. М.: ИРИ РАН, 2000. 386 с.
- Дьяков Ю. Л. Горькое чувство истории: за ошибки власти расплачивается народ // Война 1941–1945 гг.: современные подходы. М.: Наука, 2002. С. 76–100.
- Ковалев В. И. Повседневная жизнь советских граждан, угнанных в фашистскую Германию: взгляд через десятилетия. М.: Спутник, 2011. 350 с.
- Козлов Н. Д. С волей к Победе. Пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Ленинградский государственный областной университет им. А. С. Пушкина, 2002. 312 с.
- Ларионов А. Э. Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: социальные коммуникации и духовная жизнь РККА 1941–1945. М.: Золотое сечение, 2015. 296 с.
- Литвинова О. Н. Культура повседневности партизан Брянская края в годы Великой Отечественной войны. Диссертация кандидата исторических наук. Ярославский Государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Ярославль, 2008.
- Маркс К. Разоблачение дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. М., 1989. № 4. С. 3–19.
- Насекин М. А., Буганов А. В. Военная повседневность гражданского населения Сталинграда 1942–1943 гг. (по дневникам Анны Арацких и Серафимы Ворониной) // Вестник антропологии. М., 2021. № 2 (54). С. 26–34.
- Павлова Т. В. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград: Перемена, 2005. 593 с.
- Победоносцев П. Сталин и Церковь глазами современников: патриархов, святых, священников. М.: Книжный мир, 2012. 143 с.
- Розанов В. В. Уединенное. М.: Современник, 1991. 107 с.
- Сахаров А. Н. О новых подходах в российской исторической науке. 1990 г. // История и историки. 2002: Исторический вестник. Институт Российской истории. М.: Наука, 2002. С. 3–28.
- Сенявская Е. С. 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М.: ИРИ РАН, 1995. 220 с.
- Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: ИРИ РАН, 1997. 232 с.
- Тишков В. А. Великая Победа и советский народ: антропологический анализ // Вопросы философии. 2020. № 8. С. 5–19.
- Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Айрис Пресс, 2003. 588 с.
- Тузова О. В. Музыкальная культура Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны. Самара: Самарский государственный технический университет, 2005. 171 с.
- Храмкова Е. Л. Некоторые особенности новейшего периода отечественной историографии культуры России 1941–1945 гг. // Вестник Самарского государственного университета, 2006. № 10–1 (50). С. 138–145. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-noveyshego-perioda-otechestvennoy-istoriografii-kultury-rossii-1941-1945-godov/viewer> (дата обращения: 14.06.21).
- Цеханская К. В. Глобализм и проблемы современной этнорелигиозной идентификации русских // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 6 (33). С. 221–241.
- Цеханская К. В. Религиозный модус ментальности русско-советского социума накануне и во время Великой Отечественной войны // Духовное наследие Византии и Афона в истории и культуре России. Сб. научных трудов. М., МГОУ, 2021. С. 218–232.

- Цеханская К. В. Феномен религиозности русских в годы Великой Отечественной войны // Вестник Антропологии. Новая серия М., 2015. № 4. С. 150–168.
- Широкоград И. И. Центральная периодическая печать в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Московский государственный университет печати, 2001. 330 с.
- Шкаровский М. В. Церковь зовет к защите Родины: религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Держава, 2005. 620 с.

References

- Aniskov, V. T. 2003. Krest'ianstvo protiv fashizma. 1941–1945 [The peasantry is against fascism. 1941–1945]. In *Istoriia i psikhologiia podviga* [History and psychology of the feat]. Moskva: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 502 s.
- Bel'kov, O. A. 2021. Dukhovnyi potentsial Pobedy [The Spiritual Potential of Victory]. In *Nauchno-issledovatel'skii tsentr problem natsional'noi bezopasnosti* [Research Center for National Security Problems [Electronic resource]] [Research Center for National Security Problems [Electronic resource]]. URL: <https://nic-pnb.ru/istoriya-otechestva/velikaya-otechestvennaya-voyna-istoriya-i-sovremennost-chast-2/> (data obrashcheniia 17.06.21).
- D'iakov, Iu. L. 2002. Gor'koe chuvstvo istorii: za oshibki vlasti rasplachivaetsia narod [A bitter sense of history: the people are paying for the mistakes of the authorities]. In *Voina 1941–1945 gg.: sovremennye podkhody* [The War of 1941–1945: modern approaches]. Moskva: Nauka, S. 76–100.
- Grakina, E. I. 2000. *Uchenye Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Russian scientists during the Great Patriotic War]. Moskva.: Institut Rossijskoj Isrorii RAN, 386 s.
- Khramkova, E. L. 2006. Nekotorye osobennosti noveishego perioda otechestvennoi istoriografii kul'tury Rossii 1941–1945 gg. [Some features of the Newest Period of Russian Cultural Historiography 1941–1945]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 10–1 (50): 138–145. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-noveyshego-perioda-otechestvennoy-istoriografii-kul'tury-rossii-1941-1945-godov> (data obrashcheniia: 14.06.21)
- Kovalev, V. I. 2011. *Povsednevnaia zhizn' sovetskikh grazhdan, ugnannykh v fashistskuiu Germaniiu: vzgliad cherez desiatiletiia* [The daily life of Soviet citizens deported to Nazi Germany: a look through the decades]. Moskva: Sputnik, 350 s.
- Kozlov, N. D. 2002. *S volei k Pobede. Propaganda i obydennoe soznanie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [With the will to win. Propaganda and everyday consciousness during the Great Patriotic War]. Sankt-Peterburg.: Leningradskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet imeni A. S. Pushkina, 312 s.
- Larionov, A. E. 2015. *Frontovaia povsednevnost' Velikoi Otechestvennoi voiny: sotsial'nye kommunikatsii i dukhovnaia zhizn' RKKA 1941–1945* [Frontline Everyday Life of the Great Patriotic War: social communications and spiritual Life of the Red Army 1941–1945]. Moskva: Zolotoe sechenie, 296 s.
- Litvinova, O. N. 2008. *Kul'tura povsednevnosti partizan Brianskaia kraia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Dissertatsiia kandidata istoricheskikh nauk* [The culture of everyday life of the partisans of the Bryansk region during the Great Patriotic War. Dissertation of the Candidate of Historical Sciences]. Iaroslavl': Iaroslavskii Gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni K. D. Ushinskogo.
- Marks, K. 1989. Razoblachenie diplomaticheskoi istorii XVIII veka [Exposing the diplomatic history of the XVIII century]. *Voprosy istorii*. 4: 3–19.
- Nasekin, M. A., Buganov, A. V. 2021. Voennaia povsednevnost' grazhdanskogo naseleniia Stalingrada 1942–1943 gg. (po dnevnikam Anny Aratskikh i Serafimy Voroninnoi) [Military everyday life of the civilian population of Stalingrad 1942–1943 (according to the diaries of Anna Aratsky and Serafima Voronina)]. *Vestnik antropologii*. 2 (54): 26–34.

- Pavlova, T. V. 2005. *Zasekrechennaia tragediia: grazhdanskoe naselenie v Stalingradskoi bitve* [Classified tragedy: civilians in the Battle of Stalingrad]. Volgograd: Peremena, 593 s.
- Pobedonostsev, P. 2012. *Stalin i Tserkov' glazami sovremennikov: patriarkhov, sviatykh, sviashchennikov* [Stalin and the Church through the eyes of contemporaries: patriarchs, saints, priests]. Moskva: Knizhnyi mir. 143 s.
- Rožanov, V. V. 1991. *Uedinennoe* [Secluded]. Moskva: Sovremennik, 107 s.
- Sakharov, A. N. 2002. O novykh podkhodakh v rossiiskoi istoricheskoj nauke. 1990 gg. [About new approaches in Russian historical science. 1990]. *Istoriia i istoriki. Istoricheskii vestnik. Institut Rossiiskoi istorii RAN*. Moskva: Nauka. S. 3–28.
- Seniavskaia, E. S. 1995. 1941–1945. *Frontovoe pokolenie. Istoriko-psikhologicheskoe issledovanie* [1941–1945. The frontline generation. Historical and psychological research]. Moskva: Institut Rossiiskoi istorii RAN. 220 s.
- Seniavskaia, E. S. 1997. *Chelovek na voine. Istoriko-psikhologicheskie ocherki* [A man at war. Historical and psychological essays]. Moskva: Institut Rossiiskoi istorii RAN. 232 s.
- Shirokorad, I. I. 2001. *Tsentrāl'naia periodicheskaia pečat' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Central Periodical Press during the Great Patriotic War 1941–1945]. Moskva: Moskovskii gosudarstvennyi universitet pečati. 330 s.
- Shkarovskii, M. V. 2005. *Tserkov' zovet k zashchite Rodiny: religioznaia zhizn' Leningrada i Severo-Zapada v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The Church calls for the Protection of the Motherland: the Religious Life of Leningrad and the North-West during the Great Patriotic War]. Sankt-Peterburg: Derzhava. 620 s.
- Tishkov, V. A. 2020. *Velikaia Pobeda i sovetskii narod: antropologicheskii analiz* [The Great Victory and the Soviet people: an anthropological analysis]. *Voprosy filosofii*. 8: 5–19.
- Toinbi, A. Dzh. 2003. *Tsivilizatsiia pered sudom istorii* [Civilization before the Court of History]. Moskva: Airis Press, 588 s.
- Tsekhanskaia, K. V. 2016. Globalizm i problemy sovremennoi etnoreligioznoi identifikatsii russkikh [Globalism and the problems of Modern Ethnoreligious Identification of Russians]. *Problemy natsional'noi strategii*. 6 (33): 221–241.
- Tsekhanskaia, K. V. 2021. Religiozniy modus mental'nosti russko-sovetskogo sotsiuma nakanune i vo vremia Velikoi Otechestvennoi voiny [Religious Mode of Mentality of the Russian-Soviet Society Before and During the Great Patriotic War]. In *Dukhovnoe nasledie Vizantii i Afona v istorii i kul'ture Rossii. Sb. nauchnykh trudov* [Spiritual heritage of Byzantium and Mount Athos in the history and culture of Russia]. Moskva: Moskovskij Gosudarstvennij Oblastnoj Universitet. 218–232 s.
- Tsekhanskaia, K. V. 2015. Fenomen religioznosti russkikh v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [The phenomenon of Russian religiosity during the Great Patriotic War]. *Vestnik Antropologii*. Moskva Novaya seriya 4: 150–168.
- Tuzova, O. V. 2005. *Muzykal'naia kul'tura Srednego Povolzh'ia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Musical culture of the Middle Volga region during the Great Patriotic War]. Samara: Samarskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet. 171 s.
- Volkova, E. Iu. 2005. *V tylu kovalsia mech Pobedy: zhenshchiny Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [The Sword of Victory was forged in the rear: women of Russia during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Kostroma: Kostromskoj Gosudarstvennij Universitet. 104 s.
- Volkova, E. Iu. 2010. *Malen'kie uchastniki bol'shoi voiny. Deti v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.* [Little participants in a big war. Children in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Kostroma: Kostromskoi Gosudarstvennij Tehnicheskij Universitet. 155 s.